

Алексей Иванов

БРОНЕ ПАРО ХОДЫ

84(2=411.2)64
УДК
ГА-398882

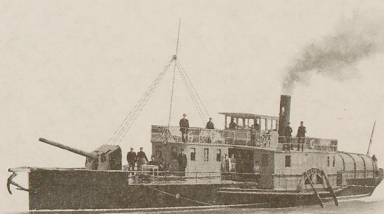

РОМАН

18+

Алексей Иванов

БРОНЕ ПАРО ХОДЫ

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

РИТОЛ
КЛАССИК

сд-398882

01

Божья колесница с дороги не сворачивает, и весна не замечала истории. Светлые дожди сыпались на взрытые окопы германского фронта, как веками сыпались на мирные пашни; сквозь грохот эшелонов прорастало пение птиц, и густой дым паровозов бесследно растворялся в зыбкой зелени перелесков; на городских площадях многолюдные митинги тысячами ног расплёскивали солнце из луж, но не могли погасить его сияния. Однако летом восемнадцатого года смертоносная революция медленно всплыла из обломков прежней жизни, словно уродливое чудовище из обломков кораблекрушения.

...Раньше эти щегольские фаэтоны возили чистую публику из гостиниц и губернских присутствий в рестораны или в театр, на пристани или на вокзалы; заносчивые извозчики брезговали стоять даже у синемаатографа. Но Губчека реквизировала у поверженного класса избыток собственности, и теперь лаковые борта фаэтонов были испараны, в полотне складных крыш зияли дырки, а бархат диванов затёрли крепкие зады пролетариата.

У экипажа Великого князя Михаила побрякивало отскочившее крыло над колесом. Михаил тревожился: почему его, поднадзорного ссыльного, забрали из гостиницы ночью и тайно? И ещё неприятно было соседство угрюмого черноусого милиционера Жужгова. Милиционер не понимал дистанции, которую всегда соблюдают воспитанные люди; он уселся в экипаж рядом с Великим князем, надвинул козырёк мятой фуражки, скрывая тёмные глаза, и на ухабах лесного тракта бесцеремонно толкал Михаила своим твёрдым плечом. Лошадью правил другой чекист. Его спину пересекал узкий

ремешок портупеи, на бедре оттопыривалась кобура с торчащей рукояткой браунинга.

Михаил оглянулся — не отстал ли фаэтон с Джонсоном?

— Не гоношися, — недовольно буркнул Жужгов.

— Долго ещё ехать? — спросил Михаил.

— Скоко надо.

В дверь его гостиничного люкса чекисты забарабанили уже в первом часу. Михаил ещё не разделся и не лёг, потому открыл сразу. Чекистов было четверо. Топчась в гостиной, они сунули князю вместо ордера какой-то мандат и приказали собираться: ссыльного гражданина Романова решено перевезти в другой город. Фаэтоны стоят у крыльца, поезд ждёт на разъезде.

Михаилу жаль было покидать Пермь. Здесь жизнь его наладилась славно, а в номере ещё витал запах Наташиных духов. Но с большевиками Великий князь не спорил. Василий, камердинер, принялся складывать ему саквояж. На шум сразу явился верный Джонсон, и милиционер Жужгов не стал возражать, чтобы спецссыльного сопровождал секретарь. В коридоре Михаил пожал руки своим добровольным товарищам по изгнанию — шофёру, делопроводителю и полковнику Знамеровскому; Веру Знамеровскую он поцеловал.

— Хорош мурыжить, — сказал кто-то из чекистов. — Скоро снова съедетесь.

Два фаэтона, подняв крыши, покатались от Королёвских номеров куда-то во тьму. Слепо блеснули оконные стёкла в нобелевской конторе, проплыла громада театра, замелькали плотно составленные здания с подворотнями, карнизами и кирпичными кружевами. Кое-где в арочных окнах ещё горел свет. Здесь, в Перми, под властью большевиков ещё жил тот мир, который Россия так мало ценила и так легко потеряла — с чаепитиями на летних верандах, с рукоделием под абажурами, с биржами, операми и сахарными фруктами в сочельник. Вернётся ли прежнее благополучие?.. Белея, поднялась и исчезла старая церковь; за ней толпились крепкие бревенчатые дома Разгуляя; затем деревянным настилом прогремел клёпаный стальной мост через большой лог, густо заросший ивняком, начался подъём, и на горе брусчатка закончилась.

Михаил сидел молча и размышлял: куда его отправляют? На восток — в Екатеринбург? Там Ники, Аликс, племянницы и Алексей, бывший наследник престола... Нет, вряд ли Великого князя повезут за Урал. Газеты писали, что от Пензы и Самары до Иркутска и Читы восстали эшелоны с военнопленными. А железная дорога, вдоль которой шёл гужевой тракт, вела не только на восток, но и на север. Неужели спецссыльного упекут в глушь, в Соликамск?

— Где наш поезд? — Михаил посмотрел на Жужгова.

— Не твоё дело.

За деревьями внизу под склоном горы замерцала длинная россыпь острых электрических огней сталепушечного завода — они бессонно горели с начала Великой войны; в цехах что-то устало погромыхивало, курились белые дымы. Фаэтоны, не останавливаясь, устремились вниз и протарахтели колёсами по мощёным улицам Мотовилихи. Затем грунтовую дорогу обступил лес.

Стало жутковато, но Михаил сидел прямо и сохранял бесстрастный вид. Сдержанность давно вошла у него в привычку. Пускай он Великий князь, но его роль и в государстве, и в жизни — подчиняться, а не повелевать. За него всегда всё делали другие, сделают и сейчас. Следует спокойно подождать.

Жужгов вытащил из штанов коробку с папиросами и прикурил от серной спички. Михаил покосился. Дорогой табак Месаксуды. Экспроприированный товар, который прежде простым рабочим был не по карману.

— А ты правда царь? — вдруг спросил Жужгов, глядя на огонёк папиросы.

— Неправда, — неохотно ответил Михаил.

Он вспомнил, как от Ники, низложенного императора, в Гатчину пришла телеграмма для брата, адресованная «Его Величеству Михаилу Второму». Вспомнил мучительную ночь у Павлуши Путятина в квартире на Миллионной — ту единственную ночь, когда он, пусть и не вполне по праву, мог считаться государем. Сколько тогда было споров, терзаний, кофе, коньяка и сигар... Вспомнил, как утром в гостиной Павлуши собралась взволнованная депутация думцев, и он,

Великий князь, сообщил: «Господа, я отрекаюсь от трона в пользу Учредительного собрания». И он никогда не жалел об этом решении.

Милиционер Жужгов хмыкнул, плюнул в ладонь и загасил окурок.

В ночном июньском лесу причудливо заливались, щебетали и щёлкали соловьи. Сквозь кружевную вязь птичьих голосов где-то вдали на железной дороге длинно и прямо простучал одинокий поезд. Было холодно, и лошадь бежала резво, мягко топала копытами по колеям; поскрипывали крепления фаэтона. Под зелёной русалочьей луной в еловых и осиновых завалах тьмы вдруг призрачно вспыхивали цветущие черёмухи. Что готовит грядущее?..

«Всё будет хорошо», — подумал Михаил Александрович.

02

Жужгову было совершенно плевать, кого он везёт — царя или не царя. Он спросил просто так — показалось, будто Михаил задремал, но арестованный не должен дремать. Арестованный должен бодрствовать, чтобы сполна ощущать огромную разницу между собой и конвоиром — милиционером Жужговым.

В этом и заключалась суть. Арестованный мучается от неизвестности, переживает, мечется мыслями, а конвоир спокоен. Он насмешливо молчит. Он знает, что случится дальше. Он преисполнен своим знанием, следовательно, умнее, важнее, значительнее арестованного, как заряженный наган тяжелее пустого. Такое превосходство пьянит больше, чем водка.

Жужгову не особенно-то нравилось расстреливать: это дело быстрое — как чурбак расколоть. Жужгову нравилось возить на расстрел. Мотовилихинская Чека приговаривала саботажников и вредителей к высшей мере, а Жужгов исполнял. Приговорённых загоняли на военный катер «Шрапнель», стоящий у стенки заводского причала, и катер,

тарахтя бензиновым мотором, плыл к длинному и плоскому острову напротив завода. Ветер с Камы трепал волосы и одежду приговорённых. Эти люди не верили, что их сейчас убьют, — но ведь знали, куда их переправляют. Одни потрясённо молчали. Другие, которые попроще, спрашивали о чём-то, пытались понравиться, заискивали. Жужгов не отвечал; он стоял и курил, рассыпая искры папиросы. Каждый новые приговорённые вели себя точно так же, как и предыдущие, а потому в глазах Жужгова все они выглядели ничтожными — не поднимались над натурой человека. Катер вылезал носом на песок. Жужгов сталкивал пассажиров. Кто-то из них поднимался и впивался взглядом, кто-то кричал, проклиная, кто-то пытался убежать. Не спускаясь с палубы, Жужгов стрелял из нагана. Эти люди, похожие друг на друга, для него превратились в одинаковых тараканов, и Жужгов истреблял их как тараканов, уравнивая окончательно в виде раскиданных по острову трупов. Они стали никем, а он — всем.

Кончить Великого князя Михаила — без суда и без разрешения губкома — придумал неугомонный баламут Ганька Мясников. Для этого Ганька — член ВЦИКа! — устроил себе перевод из мотовилихинской Чека в губернскую. Но струхнул стрелять сам. Поручил привычному к делу Жужгову.

Вдали — за лесом и за Камой — небо уже начало синеть. Фаэтоны проехали мимо безлюдного разъезда. В рассветной блёклости на путях забыто чернели цистерны, облитые мазутом, и двухосные платформы с какими-то грузами под рваным брезентом. Будка стрелочника была пуста. Отсюда железнодорожная ветка уходила к берегу Камы, к нобелевскому городку с нефтехранилищами.

— А где поезд? — со сдержанной тревогой спросил Великий князь.

Жужгов успокоился. Он уже начинал злиться, что лошёный буржуй не выдаёт своего нерва, и теперь всё сделалось как положено.

Разъезд остался позади. Фаэтоны двигались дальше. Ещё через версту тот чекист, что сидел на козлах, потянул вожжи и свернул с тракта на просёлок.

Просёлок сквозь густые кусты вывел на обширную поляну.

Здесь до Великой войны мотовилихинские большевики устраивали свои маёвки. Чтобы не цеплялась полиция, молодые рабочие

тащили с собой девок, выпивку и гармошки — дескать, у них гулянка, а не политическая сходка. Ради девок и дармовой водки Жужгов сюда и ходил. Говорильня агитаторов его не интересовала — но потом всё же как-то увлекла. Агитаторы убедительно и ловко расписывали, что те, кто живёт богаче пролетария Николая Жужгова, — гады. Их надо бить. Обязательно придёт такое время, когда примутся бить. Жужгов записался в партию. И вот трах-бах — и время избиения пришло.

Фаэтоны остановились, как и было условлено.

— Вылазь, — хмуро велел Великому князю Жужгов.

— А... что тут? — немного растерялся Михаил.

— Вылазь, говорено.

Михаил пожал плечами, схватился за край кузова и по-спортивному энергично выпрыгнул из фаэтона. Жужгов завозился, вытаскивая наган.

В синеватой дымке, полной холода оседающей росы, Михаил увидел, как из второго фаэтона, качнув всю коляску, выбрался Джонсон, коренастый и грузный. Он недоумённо оглядывал поляну иправлял ремень. Вокруг в кущах ивняка щебетали утренние птицы. И внезапно из фаэтона оглушительно бабахнул выстрел. Джонсон споткнулся, сронив фуражку, а из ближайшего куста с шумом рванулись вверх перепуганные птицы. Ноги у Джонсона подломились, и он упал. Великий князь Михаил бросился к своему секретарю.

Жужгов вскочил с дивана, схватившись за плечо возницы, и выстрелил Михаилу в спину. Великий князь кувыркнулся в мокрую короткую траву. Жужгов второй раз нажал на спуск, но его наган только щёлкнул в осечке. Возница под рукой Жужгова тоже выдернул браунинг. Михаил в траве нелепо поднимался на четвереньки, и возница, оттолкнув Жужгова, пальнул в князя. Михаила словно прихлопнуло. Он растянулся в двух шагах от Джонсона и застыл. Грохот выстрелов сменился мёртвой тишиной — все птицы молчали.

— Сука! — выдохнул Жужгов то ли про князя, то ли про свой наган.

Он знал, что после расстрела охватывает странное изумление: неужели это всё? Быстрый гром, нутро ещё дрожит, а перед тобой уже ничего нет — ни шевеления, ни взлетающих душ, ни божьего лика

в небесах. Кажется, что дело было не по-настоящему, и нужно заполнить пустоту. Лучшее всего — выпить.

Четыре чекиста подошли к убитым с разных сторон и замерли.

— Закапывать будем? — помолчав, спросил один из чекистов.

— Да к бесу, — с досадой ответил Жужгов. — Светает уже. Ещё кто заметит, что мы тут пластаемся... Снимем часы и кольца, стащим за ивняк, а к ночи вернёмся и зароем.

— Ганька велел сразу...

— Сам бы и ехал! — огрызнулся Жужгов. — А нам приять надобно, мужики.

— Ну, как скажешь, Коля, — покладисто согласились чекисты.

03

Косте срочно требовались билеты на пароход. После национализации флота в городе закрылись все конторы и кассы, но Косте подсказали, что билеты можно купить на пристани, и он торопливо пошагал в сторону Камы.

С высоты Соборной площади открывался вид на вереницу дебаркадеров. К одному из них подходил двухпалубный товарно-пассажирский пароход. Дул ветер, широкая Кама густо искрилась на стрежне. От солнца кучевые облака слепили белизной, и по крашеным железным крышам складов ползли тени.

На берегу всё было загажено, разломано, завалено мусором. Раньше здесь между дебаркадерами и складами сновали грузчики — крючники и катали, у самоваров чаёвничали артели, караулившие клиентов, вертелись контрагенты мелких торговых компаний, а теперь в многодневном озлобленном ожидании тут жили одичавшие орды мешочников — крестьян из прикамских уездов. Они привозили на пермские базары хлеб, масло и свежую убоину и увозили домой

мануфактуру, бидоны с керосином, граммофоны, слесарные инструменты и швейные машинки — то, что выменяли или купили в городе.

Пароход, который причалил у дебаркадера, назывался «Перун». Он еле успел ошвартоваться. Матросы ещё укладывали просмолённые канаты на чугунные кнехты, а толпа мешочников уже обрушила деревянные решётки в проходе дебаркадера и ринулась на посадку. «Перун» мог принять тысячу пассажиров, с перегрузом — полторы, а у сходней сбилось тысячи три крестьян.

Вперёд рвались бородатые мужики в поддёвках и картузах: они смяли слабый заслон из милиционеров. Тёмная человеческая лавина покатилась по нижним галереям парохода, вскипела и полезла по трапам на верхнюю палубу. Следом за мужиками пёрли широкозадые бабы в кофтах и пёстрых платках, навьюченные тюками и коробами. Под мостком, ведущим на дебаркадер, трещали стойки-прострелины. Ругань, вопли... Из давки в воду бултыхались сброшенные люди и узлы с добычей; разворачиваясь, полетел рулон ситца.

Костя наблюдал за штурмом парохода с ужасом и состраданием. После национализации пассажирское движение по Каме почти прекратилось, но деревня и город не могли жить без товарообмена. Мешочники брали редкие пароходы с боем, как вражеские крепости. «Мешочники», «спекулянты» — это всё обидные слова большевиков. Конечно, невежественные крестьяне были звероподобны, и торговали они без совести, наживаясь на бедствиях горожан, однако же — «кто виноват?», как давным-давно вопрошал господин Герцен.

Костя понял, что никаких билетов больше не существует. Билеты — это его кулаки. Сам он сумел бы пробиться на борт, но нежную Лёлю ему никак не протащить. А оставаться в Перми Лёля не может. Ей надо бежать, иначе — арест и тюрьма. Что же делать? Как добраться до Самары?..

Костя Стрельман с детства знал, что он хороший, а хорошим — говорила мама — помогает бог. Бог помог и сейчас. На обратном пути возле погрузочной эстакады дровяных складов Костя заметил Якутова. Совсем недавно Дмитрий Платонович был владельцем огромного Соединённого пароходства «Былина».

— Здравствуйте, Костя! — улыбнулся Якутов. — Рад встрече. Помню вас в Петербурге худеньким студентом, а сейчас — просто не узнать!

Дмитрий Платонович выглядел, как всегда, безукоризненно: белые брюки, светлый пиджак, лёгкая шляпа дачника. В чёрной бороде блестела седина.

— Как здоровье Сергея Алексеевича?

Сергей Алексеевич, Костин отец, долгие годы возглавлял сталепушечный завод. Десять лет назад он вышел в отставку. Пока Костя учился в Институте инженеров путей сообщения, семья Стрельман жила в столице. Прошлым летом Якутов убедил Стрельмана-старшего вернуться в Пермь и преподавать в университете, только что учреждённом усилиями Дмитрия Платоновича. Стрельманы переехали обратно — и зимой Сергей Алексеевич подхватил тиф.

— Папа, слава богу, поправляется. А мама при папе неотлучно.

— Передавайте им поклон от меня.

— Дмитрий Платонович, вы должны мне помочь, — прямо заявил Костя.

— А что случилось? — Глаза у Якутова стали строгими и цепкими.

— Вы слышали о муже моей сестры Ольги? Подполковник Владимир Каппель. Уверяю вас, Володя — человек, который не поступается идеалами.

Костя всегда восхищался избранником сестры, впрочем, Лёля — лучшая девушка на свете — и должна была выйти замуж за самого достойного.

— Не слышал о нём, но не сомневаюсь в вашей оценке, — сказал Якутов.

В Пермь к Лёле и детям Володя приехал в октябре. Его демобилизовали по болезни. Весной Володю как военного специалиста призывали в Красную армию и отправили в Самару. Вскоре Самару захватили части мятежного Чехословацкого корпуса. Красные постыдно бежали прочь, и в городе было сформировано белое правительство — Комитет членов Учредительного собрания. Володя перешёл к белым. Перешёл — и возглавил вооружённые силы Комитета. Три дня назад

его маленькая армия отбила у красных Сызрань. Это был жестокий удар для большевиков. А вчера Лёлю вызвали в Губчека. Там, на допросе, Лёля и услышала от чекистов о делах своего мужа.

— Я знаю Володю, — говорил Якутову Костя. — Он не сложит оружия. Он талантлив и будет побеждать. А большевики возьмут Лёлю в заложницы. Пока не поздно, я обязан увезти её отсюда в Самару — к Володе.

— Большевики запретили рейсы в Самару, — сухо сообщил Якутов.

— Мне это известно, — кивнул Костя, — однако суда ещё ходят до Казани. Нам нужно добраться всего лишь до Чистополя, оттуда до Самары меньше трёхсот вёрст. Там я найму лодочника или экипаж. Деньги у меня есть.

— Авантюра, милый друг. — Якутов покачал головой.

От несогласия Костя выпрямился и посмотрел на Якутова с укором:

— Нет, не авантюра, Дмитрий Платонович. И я не стал бы обременять вас просьбой, если бы мог сам провести Лёлю на пароход. Но ей не преодолеть столь безумного столпотворения! — Костя кивнул через плечо на пристань и «Перун». — Помогите нам попасть на борт, Дмитрий Платонович!

Костя искренне полагал, что все честные люди должны содействовать правому делу. А спасти от Губчека ни в чём не повинную Лёлю — дело правое.

— Мои судокompании национализированы, — напомнил Якутов.

— Но вас уважают! — нажимал Костя. — Простите мою бестактность, но вы работаете в большевистском министерстве пароходов — уж не знаю, как оно именуется! У вас остались некие возможности! А у Лёли остался только я!

«Перун» дал басовитый гудок. С шумом завертели колёса за решётками «сияний», труба задымила гуще, из-под обносов по волнам поползла пена, и судно медленно отодвинулось от дебаркадера. На берегу гомонила обозлённая толпа — те, кому не хватило места. Вслед пароходу полетели камни и поленья.

— Хорошо, — спокойно произнёс Якутов. — Я придумаю, как поступить.

Дмитрий Платонович поправил белую шляпу. Он выглядел таким же сильным и уверенным, как во времена, когда его называли хозяином Камы.

04

Над дымящей трубой буксира медленно проплыл длинный решётчатый пролёт железнодорожного моста, и волны зашлёпали в камень высокого устоя. Справа на берегу начиналась Пермь. Катя уже дважды бывала здесь у отца и выучила местную топографию. Там, где баржи и краны, — товарные причалы Заимки, за ними — механический завод и склады, на холме — Слудская церковь, доходные дома по Набережной улице, колокольня Кафедрального собора со шпилем, пристани... В солнечном небе лепились пухлые груды облаков.

Не считаясь с Великой войной, Катя каждый год на vacation приезжала в Россию. Одна, без матери или гувернантки, — так поступали европейские девушки-эмансипе. Первый раз Катя решила на это в шестнадцать лет, и отец ничего не возразил. Он был человеком прогрессивных взглядов. Мама на своей вилле в Бель-Оризон, конечно, от ужаса теряла сознание, и над ней хлопотал доктор Ноэль, её любовник; впрочем, мама была хорошей актрисой и быстро освоилась с новой ролью. Катя любила маму снисходительно, без осуждения, и давно уже поняла, что мама — яркая пустышка, не способная на усилия души. Поэтому отец её и оставил. Правда, он оплачивал и расходы бывшей жены, живущей в Каннах, и обучение дочери в Англии на пансионе.

В Нижнем Новгороде у отца были новая жена и сын Алёша — Катин единокровный брат. Для Кати и Алёшки отец каждый год покупал круиз от Нижнего до Астрахани и обратно. Катя с братом располагались в люксах на лайнерах «Кавказа и Меркурия» или

Государственное бюджетное
17 учреждение культуры

«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. К. Крупской»

а - 398882

Общества «По Волге». С пароходных галерей Катя смотрела на Россию — на поля и перелески, на уездные городишки с церквями и дебаркадерами, на монастыри и фабрики, на старинные кремли и караваны нефтебарж. Алёшка, негодяй, курил, считая себя уже взрослым. Командиры пароходов знали, что везут детей Дмитрия Платоновича Якутова. В ресторанах Катя и Алёшка всегда сидели за столом с капитанами или первыми помощниками. И Роман Горечкий был первым помощником на роскошном «Витязе»... Не потому ли он стал ухаживать за Катей?.. Нет, Роман Андреевич не такой... Где он сейчас? Как им найти друг друга во взорванной стране?..

В мае мама не смогла приехать к дочери на аттестацию в «Шерборн скул гёлс» — у мамы кипели бурные объяснения с Ноэлем, который опять проиграл её деньги в казино и хотел сбежать. И Катя тоже не поехала к маме в Канны.

Трудно было добраться до Петрограда, когда вдоль берегов Ютландии Северное море бороздили германские броненосцы, но Катя добралась. Она отправила отцу телеграмму. Отец тотчас телефонировал управляющему своей петроградской конторой, чтобы тот проводил Катю на курьерском до Нижнего. Там её встретил Алёшка. Он посадил сестру на буксир «Лёвшино» к дяде Ване Нерехтину, капитану и папиному другу. Буксир возвращался из Нижнего в Пермь. В прибрежных сёлах и городах творилось чёрт знает что: стреляли, грабили, захватывали пароходы. Дядя Ваня не рисковал причаливать, и Катя не смогла навестить в Сарапуле тётю Ксению Стахееву, мамину подругу по театру, которая тоже выскочила замуж за состоятельного коммерсанта. Но бог с ней, с тётей Ксенией. Катя стремилась к отцу. Это было важнее всего.

Катя стояла у фальшборта в лёгком твидовом пальто и обеими руками, чтобы не сдул ветер, держала за поля шляпку, какую носили в «Шерборн скул гёлс». Дебаркадер приближался. Над его галереей дугой выгибалась вывеска: «„Былина“. Соединённое коммерческое пароходство Д. П. Якутова».

В утробе буксира шумно и мощно, как слон, дышала паровая машина. В рубке дядя Ваня звякал машинным телеграфом и командовал штурвальному:

— Ещё на четверть доверни, Гришка, не бойся.

За время плавания Катя узнала, что дядя Ваня тихо гордится машинным телеграфом — новым устройством, заменившим старую переговорную трубу, и паровым приводом к штурвалу от малого агрегата — камерона, а деревенский простак Гришка Коногоров не может приноровиться к лёгкости управления.

На носу матрос готовился бросать швартовочный конец.

Катя увидела отца. В праздничном белом костюме, заметный издали, он спускался к пристани с эстакады от какого-то большого склада. Катя смотрела на Дмитрия Платоновича со странным волнением в душе. Отец, которого не было в её детстве... Сильный и решительный мужчина... А хищная природа мужчин и притягивала её, и отталкивала. Любит она отца или ненавидит? И то и другое. Это называется ревность. Катя ревновала его — но к кому?.. Уж точно не ко второй жене. И конечно, не к Алёшке. Она ревновала его к жизни. Хотела сделать так, чтобы отцу не хватало её, как ей самой не хватало его.

Подвижная громада буксира мягко сомкнулась с неподвижной тушей дебаркадера, заслонившей солнце. Матросы вытягивали швартовы. Лязгнула дверка фальшборта,брякнул длинный трап. Отец вдруг оказался рядом — такой живой и настоящий, и Катя, зажмурившись, ощутила его поцелуй на щеке.

— С прибытием, Катюша! — услышала она.

Катя не ответила на поцелуй. Она не терялась с людьми, но поневоле как-то отступала перед отцом. Он всегда словно был больше её и свободнее.

Дядя Ваня, капитан Нерехтин, спустился на палубу из рубки.

— Дмитрий Платоныч...

— Иван Диодорыч!..

Нерехтин и Якутов дружески обнялись.

— Вот — доставил в сохранности, — улыбаясь, дядя Ваня кивнул на Катю.

Дмитрий Платонович глянул Кате в глаза.

— Боюсь, тебе придётся задержаться в Перми, — сказал он. — Во-круг — смута, и отсюда не вырваться. Когда ещё наладят пристойное сообщение?

— Я и не собираюсь уезжать, — твёрдо ответила Катя. — Я хочу поступить в твой университет, папа. На медицинский факультет.

Она внимательно следила за реакцией отца. И Дмитрий Платонович, для всех в любое время энергично готовый к действию, будто потеплел изнутри.

— Прекрасный подарок для меня, милая, — признался он.

Возле фальшборта стояли Катины вещи: два чемодана и саквояж. После прекращения пассажирского судоходства носильщики исчезли с пристаней. Дмитрий Платонович сам подхватил чемоданы. Нерехтин притормозил его, взяв за локоть, и закричал своим матросам, уже перешедшим на дебаркадер:

— Скрягин, Краснощёров, пособи́те донести!

05

Расстрел Великого князя Ганька Мясников распланировал сам, и место тоже выбрал сам, однако на дело не поехал. Он — заместитель председателя Губчека, и его присутствие насторожило бы Михаила. Ганька поручил дело Жужгову и всю ночь ждал чекистов в Мотовилихе, в отделе милиции. Команда Жужгова вернулась уже утром. Вместо доклада Жужгов чиркнул пальцем по горлу — всё, князя порешили. Чекисты разобрали багаж расстрелянных и поделили вещи; френчи и сапоги покойников сожгли в бурьяне у забора.

Вечером, отославшись, Ганька отправил Жужгова с его подручными закопать тела, оставленные в лесу, и покатыл из Мотовилихи в Пермь. Губчека располагалась в небольшом особняке на углу Петропавловской и Оханской. Во дворе стояли реквизированные телеги спекулянтов с барахлом, туда-сюда ходили чекисты в портупеях и милиционеры с винтовками, к стенам жались какие-то чинно одетые господа — просители за арестованных; в комнатах было многолюдно и накурено, трещали «ундервуды», звенели телефоны.

Ганька лихо уселся на стол прямо перед Малковым, председателем ЧК.

— Слышал я, что Мишка-царь у вас удрал? — весело спросил он, оглядывая тех, кто был в комнате, — машинисток и оперработников. — Контрреволюцию прозевал, товарищ Павел? А я давно заявлял — надо Романова к стенке!

Малков прекрасно знал, что Ганька сам устроил ночью расстрел Великого князя. Малков не одобрял этой затеи, но предпочёл не спорить с Мясниковым: всё-таки Ганька — член ВЦИКа. Да и вообще он сучий хвост, от которого одни только напасти. Цельный месяц Ганька кричал на митингах, будто бы рабочие возмущаются, что Великий князь жирует в гостинице, гоняет на авто и плавает за Каму на моции, да ещё и бабу свою к себе вызвал. Рабочим на князя было начхать, а вот Ганька надоел своими нападками на исполком и Губчека.

— Выйдем потолковать, Гаврила Ильич, — мрачно сказал Ганьке Малков.

Во дворе он отвёл своего заместителя подальше от раскрытых окон.

— Не брешь про наши споры при чужих ушах, — мрачно предупредил он. — Завтра в газете пропечатают, что Мишку и секлетаря увезли белые офицеры.

Дать фальшивое объявление в местных «Известиях» придумал тоже Ганька. Расстрел Великого князя он решил держать в тайне — опасался мятежа монархистов. Ганька убедил Малкова представить исчезновение Михаила как похищение: дескать, князя увезли заговорщики из офицеров. По слухам, они укрывались на подворье Белогорского монастыря под крылом архиепископа Андроника. Похищение князя можно использовать как повод для разгрома подворья и ареста архиепископа. А бабы-салоппницы — купчихи и мещанки, почитающие Андроника, — не вооружённое офицерье, они мятеж не поднимут.

— Дело, что не забыл про газету! — одобрил Ганька. — Завтра надо готовить облаву на подворье. Прищемим рысу святому отцу.

Малков — кряжистый и медлительный — туповато молчал, размышляя. Быстрый и сообразительный Ганька смотрел на него снисходительно.

- А прислуга Мишкина где?
- В каторжную всех посадил, куда же их ещё.
- ВЦИКу про наше дело ты не телеграфируй, Паша, — приказал Ганька. — Телеграфисты всё растреплют. Мы лучше нарочного к Свердлову пошлём.

Ганька был необыкновенно доволен собой. Он совершил то, что хотел, — убил Великого князя, хотя ни ЧК, ни партия его на такое не уполномочили. А тугодум Малков не мог справиться с неукротимым Ганькой и всегда тащился вслед за его выкрутасами, лишь ворчал и бессильно грозился, как старая баба.

Дымя папироской, Ганька Мясников отправился прогуляться. Он ощущал себя повелителем города. Ладный и ловкий, он шёл разболтанной походочкой уголовника. Встречные бабы поневоле косились на него — было что-то лихое и необычное в этом молодом и большеротом мужике с чёрной неряшливой щетиной и хитрыми глазами. Красный свет заката летел вдоль длинных улиц, вдоль сомкнутых фасадов. Над головой у Ганьки проплывали ржавеющие вывески торговых домов, контор, галантерейных магазинов, ресторанов, аптек и фотографических салонов. Большие окна пассажей были заколочены досками. На замусоренных тротуарах лежали тени телеграфных столбов с решётками перекладин. Мимо кирпичных арок катились крестьянские телеги. В театральном сквере паслись козы. С улиц исчезли чиновники в сюртуках и дамы с белыми зонтиками; возле афишных тумб, заклеенных декретами, бойкие работницы в косынках лузгали семечки и пересмеивались с солдатами.

Ганька вспоминал свою единственную встречу с Великим князем. Ганьке любопытно было посмотреть на Романова, и Мишку привезли на допрос. Ничем не примечательный тип: всё среднее — и рост, и телосложение. Волосы уже редкие, а лицо как у стареющего подпоручика из губернского гарнизона.

— Какую на будущее программу располагаешь, гражданин Романов? — лукаво спросил Ганька, наслаждаясь неведением князя.

— Уеду в Англию с женой и сыном, — сухо ответил Михаил.

Ганька проницательно прищурился.

— Как шибли корону, значит, простой человек ты оказался?

Михаил молча пожал плечами.

— А в простых людях непростым быть уже не смог?

— Что вы имеете в виду? — не понял Михаил.

Конечно, Ганька ничего не стал ему объяснять.

И вот теперь заурядный человек Мишка был свергнут незаурядным — Ганькой. Он, Ганька Мясников, словно бы сделался равновелик революции.

Ночевать Ганька остался в Чека. Устроился на стульях, сунув под голову кожаную подушку с кресла. А под утро его грубо растолкал Жужгов.

— Слышь, Ганька, — негромко прошептал он, — а князя-то нету.

— Ты чего городишь?! — подскочил Ганька.

В лесу возле расстрельной поляны Жужгов и его команда нашли только один труп, труп Джонсона, — там, куда его и оттащили. А второго трупа не было. Валялись срубленные ветки осины, которыми чекисты забросали тела, но Великий князь Михаил исчез. Лишь чернели пятна крови на траве.

— Колюня, как это нету? — Ганька попытался заглянуть в тёмные глаза Жужгова, спрятанные под надбровными дугами. — А ты его точно шлёпнул?

— Вдвоё стрелянул! — буркнул Жужгов. — Что я, кончать не умею?

В полумраке кабинета белое лицо Жужгова было будто у мертвеца. В окно светил месяц — ясный, как приговор трибунала. За изразцовой печью тихо трещал сверчок. Ганька принялся бешено скрести кудлатую башку.

— Значит, так, Колюня, — разъярённо сказал он, — хватай своих мазуриков и гони обратно! Обшаривай там всё на десять вёрст! Ищи на железке и на разъезде, ищи у Нобелей! Убить Мишку нам можно, а выпустить — нельзя!

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

СПАСТИ 7

Часть вторая

ВЕРНУТЬ 69

Часть третья

ВОЗДАТЬ 135

Часть четвёртая

ОТНЯТЬ 201

Часть пятая

НАЙТИ 269

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**